

ния, к превращению истины в разновидность мнения, к ее фрагментаризации и плюрализации и т. п. признается в современном рационализме отказом от постижения сущности, субъективизацией и релятивизацией познания. Даже наука, как это ни парадоксально, считает допустимой мобилизацию всех интенций человеческого духа в своем творчестве. Понимая вслед за психоанализом психическое как многоуровневое и комплексное образование с множеством нерефлексируемых лакунов и интеллектуальных пустот, современная научно-философская методология приемлет их результативными в науке. Она допускает в качестве научного знания как конструирование, компоновку на основе концептуального плюрализма интуитивно очевидного, непосредственно наблюдаемого и высокоабстрактных интерсубъективных познавательных образов.

В таком познании субъект-личность то превращается в простого носителя интеллекта, то конституирует действительность из субъективной спонтанности, привнося в реальное бытие самостийно сотворенные законы и стандарты. Современное познание не отменяет, но видоизменяет свой субъектный характер, главным образом, за счет указанного конституирования. Но доминирование в научном познании субъектного фактора сохраняется, что одушевляет предмет познания и он становится человекоразмерным, а само познание из математически упорядоченного трансформируется в нечто хаотичное. Экзистенциализация познаваемых ситуаций, смещение в них реального и ирреального, субъективизация отражаемого до личностного видения и индивидуального самовыражения как неотъемлемые атрибуты методологических новаций науки со пряжены с индивидуализацией ценностей и релятивизацией универсалий, норм, канонов, следствием чего является обилие разновидностей познавательной культуры.

Таким образом, вопрос о содержательных элементах познавательной культуры сложен ввиду их многочисленности. Можно выделить блоки однотипных элементов, составляющих культуру мышления, методологическую культуру, традиции познания, стили мышления и т.п. Если рассматривать такие исторические типы познавательной культуры, как предмодернистская, модернистская и постмодернистская, то в каждом из них можно говорить о таких родах, как религиозная, этнонациональная, философская, научная, половозрастная и т.п. В качестве же их видов предстанут, соответственно, например, исламская, немецкая, софистическая, естественнонаучная, женская, детская и т. п. Их специфика детерминирована тем или иным толкованием субъекта познавательной деятельности в исторически конкретном социуме.

ПРИРОДА РАВНИННОГО АЛТАЯ В ИСКУССТВЕ ПЕЙЗАЖА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ХХ В.

Нехвядович Л.И.

ГОУ ВПО «Алтайский государственный

университет»

Барнаул, Россия

Пейзаж в алтайской живописи второй половины ХХ в. разнообразен по составу и характеру творческих тенденций. Однако при всей разнохарактерности живописного материала можно выделить общие тематические направления и устойчивые художественные решения. В самом общем виде типология тем и мотивов пейзажа «чистой природы» может быть представлена следующим образом: природа Горного Алтая; природа равнинного Алтая; природа России (Север, Дальний Восток, Прибалтика и др.); природа Монгольского Алтая. Со второй половины 1950-х годов, после начала целинных преобразований в крае, в алтайской живописи формируется новый тип пейзажа. Его главный предмет изображения – целина. Целинные пейзажи второй половины 1950-х - начала 1960-х годов посвящены природе степной части Западносибирской равнины. Из очень большого количества непосредственных зарисовок с натуры, большей частью носящих не столько образно-художественный, сколько описательно-документальный характер, наиболее интересными и содержательными являются работы «Первая борозда» (1954), «Степные зори» (1954) А.Г. Вагина, «Разбуженная земля» (1954) П.С. Панарина, «В ковыльной степи» (1961) Ю.Н. Панина, «В степи» (1961) В.Я. Курзина и др. В пейзажах ощущается романтическое «дыхание эпохи». Сопоставление «обжитой» вспаханной земли, громады тракторов и буйной степи подчеркивает идею покорения земли, подчинения ее человеку. В каждом пейзаже найдено то единство конкретно-фактического и поэтического, тот угол зрения, что дает возможность показать образ целины ярко, документально, публицистично. По сути, уже в этих целинных пейзажах начинается процесс освоения жанра репортажа, который получит дальнейшее развитие в 1960-е гг. в серии «Обь целинная» (1961-1964) С.И. Чернова и В.Ф. Добропольского. Подобные живописные композиции в жанре репортажа не получили широкого распространения в алтайском пейзаже 1960-1970-х гг., однако тенденции, наметившиеся в образном осмыслиении Оби, находят дальнейшее развитие в пейзажах М.Я. Будкеева, В.А. Зотеева, Г.Ф. Борунова, В.Т. Федосова, М.Ф. Белоносова, А.А. Юраткина, П.Ф. Никитина, В.И. Голдырева и др. Общим для художников было стремление к типизации, обобщению. Это стремление воплощалось у каждого по-разному. М.Я. Будкеев в пейзаже «Весна на Оби» (1969) в реке видит символ нового в жизни Барнаула. Эмоционально и живописно художник передает свежесть начала

дня, радость труда, величие вечной темы – человек и природа. Река предстает здесь как органическая часть делового, обжитого, процветающего города, занятого строительством, обладающего неповторимостью не только архитектурного облика, но и образа жизни. В композиционном пейзаже «Обь» (1978-2000) В.А. Зотеева изображена эпическая мощь реки, ее величие. Эта картина синтезировала весь опыт работы над образами алтайской природы. Обь показана с большой высоты. Диагональная композиция создает впечатление плавного течения реки. Очертания берега и одиноких строений на нем художник дает обобщенно, чтобы сосредоточить все внимание на водной шире. В.А. Зотеев пишет серьезно и просто, без декоративных эффектов, очень предметно и осознательно передавая материальные качества изображаемых мотивов. Иная грань поэтического чувства выражена в картине Г.Ф. Борунова «Над Обью. Колыбельная» (1969). Ни на реке, ни на берегу нет примет современного строительства, и это соответствует эпическому звучанию картины. Женская фигурка на берегу, вносит в нее не только теплоту, ее образ звучит гораздо сильнее – как своеобразный голос тишины, как душа окружающей ее природы. Чередование горячих и холодных насыщенных коричневых, зеленых, синих тонов в окраске берега, глади реки, неба, затухание колорита у горизонта, вносят в эмоциональный строй пейзажа особую поэтическую ноту. Полотно вызывает множество песенных ассоциаций, воспоминания о детстве. Можно сказать, что художник создал своеобразный гимн реке, олицетворяющей собой красоту и величие алтайской природы. «Обь» (1979) А.А. Югаткина – пример лирико-философского решения образа сибирской реки. В нем много простора и воздуха. Ощущение гармонии создается, тонко разработанной красочной гаммой, построенной на сочетаниях неярких зеленых, коричневых, голубых и синих тонов. В пейзажах В.Т. Федосова «Обь» (1967), «Обь. Вечер» (1971), «Обь. Этюд» (1980), гладь реки, крутые берега, высокое небо даны с подлинно поэтической чистотой и ясностью. А.Г. Вагин, М.Ф. Жеребцов, Г.Ф. Борунов, В.А. Зотеев, В.Т. Федосов, Н.И. Суриков воплотили в своем творчестве самые существенные особенности алтайского лирического равнинного пейзажа, и их произведения рассмотренные в единстве, позволяют проследить основные тенденции развития этой разновидности пейзажного жанра.

Ведущей тенденцией в создании произведений, посвященных природе равнинной части Алтая является линия русской реалистической тональной живописи. В этой манере алтайские художники разрабатывают преимущественно тип камерного лирического пейзажа, доминантой которого является состояние природы в разное время года и суток. В кругу этих произведений следует выделить, прежде всего, пейзажи

А.Г. Вагина. Свою индивидуальность художник проявил в графике. Однако в самом начале 1960-х годов на 13 краевой художественной выставке были представлены десять этюдов выполненных в технике масляной живописи: «Березка» (1961), «На озере» (1961), «В солнечный день» (1961), «Осень» (1961), «Вечерний мотив» (1961), «Вечернеет» (1961), «Оттепель» (1961), «Этюд» (1961), «Туман» (1961), «Пробуждение» (1961). Пейзажи невелики по размеру. Почти все выполнены в формате 50Х70. Две последние работы - в формате 35Х50. В названиях работ уточняются оттенки настроения, состояния природы. Цветовая гамма тонально сгармонирована. Фактура живописного слоя материальная и достаточно плотная; в ее структуре превалирует подвижный, гибкий, по большей части широкий мазок. В.Т. Федосова (1939) с самого начала творчества выделяет среди алтайских художников - чистых пейзажистов – любовь к написанию природы преимущественно равнинного Алтая. Уже сами темы и мотивы пейзажей, представленных на краевых выставках второй половины XX в. указывают на это: «Радостный март» (1967), «Тишина» (1972), «Весна» (1974), «Облачный день» (1975), «Апрель в деревне» (1975). Радостное безоблачное утро, знойный летний солнечный день, затихшая перед грозой природа, тихий вечер, полный поэзии и лирики, пасмурный дождливый день или полузакрытый туманом пейзаж золотой осени – все эти образы природы воспроизводятся в пейзажах В.Т. Федосова выразительно и реалистично. В живописи пейзажей, как правило, доминируют чистые цвета солнечного спектра (синие, голубые, зеленые) и земляные краски (коричневые и охра). Они нанесены на холст очень бережно, плоскостно и плотно, друг друга дополняют, перекрывают, просвечивают один через другой. Используется прием лессировок. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что природа равнинного Алтая – важная составляющая типологии алтайского пейзажа 1960-1970-х годов. Здесь получили выражение многие новые пластические идеи и по-своему отразились тенденции, свойственные советской пейзажной живописи на данном этапе. Наблюдая эволюцию этой темы на протяжении двух десятилетий, можно заметить, как постепенно определяется круг художников, формируется типология мотивов, меняется видение этих мотивов и методы их живописного освоения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Русская художественная традиция в искусстве Сибири (конец ХХ – начало ХХI в.), проект №08-04-60-401 а/т.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Степанская Т.М. Гармония творчества Владимира Федосова // Бийский вестник. 2003. №1. С. 124-130
2. Степанская Т.М. Памяти художника А.А. Югаткина [1926-2001] // Вестник культуры Алтайского края. Барнаул, 2001. Июнь (№ 2). С.78-79.

АДАПТАЦИЯ АБОРИГЕНОВ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ЖИЗНЕННЫХ УКЛАДАХ

Романюк М.А.

*Научно-исследовательский институт медицинских проблем Крайнего Севера РАМН
Надым, Россия*

Влияние европейской цивилизации со стремительным процессом промышленного освоения территорий Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) способствует изменению кочевого традиционного образа жизни аборигенов на оседлый европейский поселковый тип хозяйствования, что связано, как с вовлечением коренных жителей в промышленные трудовые взаимоотношения, так и с сокращением пастбищных угодий. Длительное проживание аборигенов на территории Крайнего Севера способствовало их глубокой адаптации к среде обитания и выработало у них традиционный, рациональный образ жизни и питания. И если ранее традиционный образ жизни являлся ведущим в оценке здоровья коренного этноса, то наблюдаемые в наши дни резкие и кардинальные его изменения далеко не всегда оказываются положительное влияние на здоровье.

Целью исследования явилось изучение распространенности факторов риска хронических неинфекционных заболеваний (ХНИЗ) среди коренного малочисленного трудоспособного населения ЯНАО в возрасте 20-59 лет в двух исследуемых группах (ведущих традиционный кочевой образ жизни в тундре и оседлый европейский образ жизни в поселках) для изучения адаптации к новым условиям проживания в поселках. Исследование в двух обследуемых группах проведено по единому протоколу и включало: опрос, осмотр врачом, антропометрию. Критерии нарушения липидного обмена использованы в соответствии с рекомендациями ВНОК (2004). Оценка уровня АД проводилась согласно рекомендациям ВНОК (2005). Атерогенность выставлялась по критериям ВНОК (2004). Масса тела оценивалась по ВОЗ (1997). Отношение к курению оценивалось согласно GOLD, 2003.

По нашим данным распространенность факторов риска ХНИЗ в тундре: дислипидемия (ДЛП) - 38,3%, курение (и/или жевание, закладывание табака за нижнюю губу) - 29,8%, ожирение - 13,2%, артериальная гипертензия (АГ) - 9,5%.

Лидирующие позиции в структуре всех изучаемых нами факторов риска среди тундровых жителей занимает распространность ДЛП - 38,3%, больше среди мужчин (46,3% против 30,6% у женщин, $p<0,01$). Чаще ДЛП выявлялась среди 50-летних мужчин и женщин (56,3% и 40,0% соответственно), меньше - среди мужчин в возрастном диапазоне 30-39 лет (30,4%) и среди молодых женщин (27,6%). Количество лиц в тундре с АГ составило 9,5% (среди женщин - 13,5% и 9,5% - среди мужчин). Больше всего данная патология отмечена в возрасте старше 50 лет (25,0% - у мужчин и 40,0% - у женщин). Ожирение среди тундровиков выявлялось в 13,2% случаев, чаще среди женщин (23,5% против 4,6% у мужчин, $p<0,001$). Больше лиц с избыточным весом среди мужчин выявлено в возрастном диапазоне 40-49 лет (10,0%) и среди 50-летних женщин (66,7%). Курение (и/или жевание, закладывание табака за нижнюю губу) в тундре встречалось в 29,8% случаев, чаще у мужчин (47,7% против 10,9% у женщин, $p<0,001$). Среди мужчин эта вредная привычка выявлялась чаще в возрасте 40-49 лет - 60,0%, реже - до 30 лет (40,7%). Среди женщин больше курильщиц выявлено старше 50 лет (20,0%) и меньше - до 30 лет (3,4%).

Рассматривая популяцию коренных жителей, ведущих оседлый образ жизни в поселках, нами выявлена следующая распространенность факторов риска: ДЛП - 46,6%, гиподинамия - 32,6%, курение - 23,1%, ожирение - 21,3%, АГ - 13,8%. Количество лиц с ДЛП в поселках занимает лидирующие позиции - 46,6% (у женщин - 47,5% и 44,9% у мужчин). В мужской популяции ДЛП выявлялась чаще в возрастном диапазоне 40-49 лет (51,6%), реже - в возрастном диапазоне 30-39 лет (36,8%). Среди поселковых женщин ДЛП больше встречалась старше 50 лет - 65,0%, меньше - среди молодых (34,4%). Курение составляло (и/или жевания, закладывания табака за нижнюю губу) 23,1%, чаще среди мужчин (41,2% против 17,3% у женщин, $p<0,001$). Больше курящих мужчин в поселках выявлено в возрастном диапазоне 30-39 лет - 63,2%, меньше - старше 50 лет (30,8%). Больше курили женщины до 30 лет - 29,0%, меньше курильщиц было старше 50 лет - 3,3%. Количество лиц, ведущих малоподвижный образ жизни в поселках, составило 32,6%, превалируя среди женщин (35,1% против 23,3% у мужчин, $p<0,05$). В мужской популяции гиподинамия чаще выявлялась в возрастном диапазоне 30-39 лет (31,6%), меньше - среди 50-летних (7,7%). Женщин с гиподинамией было больше среди 50-летних (46,7%), тогда как до 30 лет их было меньше всего (30,1%). Лица коренного этноса в поселках с ожирением составили 21,3% (среди женщин - 22,3% и 18,0% - у мужчин). Больше лиц мужского и женского пола с ожирением выявлено в возрасте старше 50 лет (41,7% и 38,5%), меньше - среди молодых (5,4% - у женщин и 5,6% - у мужчин). Количество коренных